

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

КОПАЛКИНА Евгения Геннадьевна

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

г. Иркутск, Россия

ИЛТАКОВА Наталья Владимировна

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

г. Улан-Удэ, Россия

В данной статье анализируется соотношение понятий «образование», «воспитание», «преподавание», «научение» как базовых категорий педагогики свободы, что отличает трактовку Л.Н. Толстого от традиционного понимания педагогами-теоретиками. Описываются методологические основы его гуманистической педагогики, основным содержанием которой являются принципы свободного образования, свободный характер отношений между педагогами и студентами, а также модель настоящего университета как объединения единомышленников, где царит свободная интеллектуальная среда.

Ключевые слова: образование, воспитание, Л.Н. Толстой, педагогика, научение, преподавание, свободное развитие.

В научно-педагогической работе «Воспитание и образование» Л.Н. Толстой раскрывает свое понимание главным образом того, что такое *образование и воспитание*, каково соотношение между этими базовыми категориями педагогики. Его позиция в отношении всей системы образования в России, по его собственному признанию, отличается тем, что «трехлетняя деятельность моя довела меня до результатов, столь *противоположных общепринятым*, что не может быть ничего легче подтрунивания, с помощью вопросительных знаков и притворного недоумения, над сделанными мною выводами» [5, с. 205], при этом он подчеркивает, что «выводы мои основываются не на одной теории, а *на теории и на фактах*» [5, с. 206].

Л.Н. Толстой исходит из того, что *предметом педагогики является образование*, которое отличается от однопорядковых понятий (воспитание, преподавание, обучение, научение), но вместе с тем с ними зачастую (педагогами, на примере немецкого педагога Дистервега) отождествляется и смешивается. Л.Н. Толстой отмечает, что ни во французском, ни в английском языках нет слов, соответствующих понятию образования, французские термины – *education* (выучка), *instruction* (наставление), *civilisation* (просвещение) совершенно другие понятия, лишь в Германии писатель находит четкое подразделение понятий – *erziehung* (воспитание) и

unterricht (преподавание).

Л.Н. Толстой критикует традиционный подход педагогов-теоретиков, которые считают, что *предметом педагогики является воспитание*, включающее в себя преподавание. Для педагога ученик есть существо, подчиненное его воле, который как воспитатель сам определяет и допускает внешний мир к воздействию на ученика в том виде, в каком он считает полезным и находит удобным. «Везде влияние жизни отстранено от забот педагога, везде школа обстроена кругом китайскою стеной *книжной мудрости*, сквозь которую пропускается жизненное образовательное влияние только настолько, насколько это нравится воспитателям» [5, с. 207].

Такая педагогика «признает за собой *право знать*, что нужно для образования наилучшего человека, и считает возможным устранить от воспитанника всякое внес воспитательное влияние» [5, с. 207]. Согласно таким взглядам и происходит *смешение понятий* воспитания и образования, поскольку получается, что не было бы воспитания, не было бы образования. Воспитание и образование смешивается и с таким понятием, как преподавание и обучение, признавая преподаванием единственным средством воспитания. В понимании *педагогов-теоретиков воспитание есть* действие одного человека на другого и включает в себя три действия: 1) нравственное или насильственное влияние

воспитателя, – образ жизни, наказания, 2) обучение и преподавание и 3) руководство жизненными влияниями на воспитываемого.

Толстой *противопоставляет воспитанию образование* [3, с. 113]. Для него оно есть *свободное* отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого – сообщать уже приобретенное им. Образование это совокупность всех тех влияний, которые *развивают человека*, дают ему более обширное мирозерцание, *дают ему новые сведения*. «Детские игры, страдания, наказания родителей, книги, работы, учение насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь – все образует».

Он подчеркивает, что понятие образования существует только *в России и отчасти в Германии*. Различие воспитания от образования он видит только в насилии, право на которое признает за собою воспитание. Воспитание есть образование насильственное. *Воспитание* есть воздействие одного человека на другого с целью заставить воспитываемого усвоить известные нравственные привычки. Образование свободно. *Преподавание* есть передача сведений одного человека другому (преподавать можно шахматную игру, историю, сапожное мастерство). *Учение* – оттенок преподавания, есть воздействие одного человека на другого с целью заставить ученика усвоить известные физические привычки (учить петь, плотничать, танцевать, грести веслами, говорить наизусть). *Преподавание и учение* суть средства образования, когда они свободны, и *средства воспитания*, когда учение насильственно.

Воспитание представляет собой стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам, оно не является не плодотворным, не законным, невозможным, поскольку *ни у одного человека права воспитания не существует*. Л.Н. Толстой по собственным признаниям не признает этого права, не признавал и никогда не будет признавать. «Если в истории человеческих знаний не было абсолютных истин, а одни ошибки постоянно сменялись другими, то на каком основании принуждать молодое поколение усваивать те знания, которые, навверное, окажутся ошибочными?» [5, с. 210]. И

русские университеты, и университеты Западной Европы являются не свободными, ни студенты, ни гимназисты в них не свободны, они имеют своим основанием – произвол, и «столь же уродливы, как монастырские школы».

Основными факторами воспитания как насильственного элемента в образовании являются по Л.Н. Толстому:

1) *семья*, поскольку воспитание как насильственное явление возникает в силу (естественного) стремления и желания родителей воспитать своих детей согласно своему реальному или желаемому образу и подобию;

2) *религия*, которую он называет единственным, законным и разумным основанием воспитания, поскольку благодаря воспитанию каждый человек может быть спасен и не сгубит своей души;

3) *государство*, которое воспитывает таких людей, которые необходимы ему для своих целей;

4) *общество*, которое создает университеты и другие образовательные учреждения для воспроизводства привилегированных слоев населения.

Основным результатом воспитания как насильственного явления является привитие чуждых человеку понятий (становятся безбожниками, вольнодумцами), оторванность от привычной первобытной среды (родители, родственники), которая учителями в образовательных учреждениях преподносится образцом грубости, невежества, присутствием ужасных человеческих пороков [1, с. 92].

Далее Л.Н. Толстой подробно описывает как получение образования насильственным способом – сначала в школе, потом в уездном училище, гимназии и наконец в университете – влияет на ученика, отмечая, что образование хоть и направлено на распространение между всеми слоями населения, на распространение на все большее число людей, тем не менее для крестьянских детей учеба в университете это «были бы далеко неисполнимые мечтания» [5, с. 215].

Учеба в школе для ребенка продолжается 3-4 года, в период обучения в которой он мог бы пройти изучаемый учебный материал в течение 3-4 месяцев. Такая организация учебного процесса приводит к тому, что дети

становятся расслабленными и отчужденными, вырабатывая зловерные привычки в праздности и лени, а знания становятся неприменимыми к жизни. *В уездном училище* физическое расслабление детей продолжается с большей силой, получаемые знания еще менее применимы к жизни, к негативным сторонам добавляется обучение обману, лицемерию, презрению к простому необразованному народу. *В гимназии* помимо полученных насильственным образом знаниям он учится деланию долгов, обманам, выманиванию у родителей денег, распутству, в конечном итоге в гимназии прослеживается окончательное *отречение от дома*. Преподаватели пытаются возвысить его над природной средой, насильственно обучая его высоким материям не потому, чтобы он имел к чему-нибудь исключительную склонность, а с целью его так называемого общего развития. *Итогом такого обучения* становится самоуверенная и самодовольная личность изможденного вида, чужим языком (смутными понятиями) разговаривающая, чужим умом думающая, курящая папиросы и пьющая вино.

В университете обучающийся еще с большим презрением, отвращением и высокомерным сожалением смотрит на людей своей среды и на своих родных, идеальными профессиями считает профессии ученого, литератора и чиновника. Большая часть наизусть изучаемых предметов изучаются только с целью ответить на экзамене, в обязанности студента входит записывать каждое слово, каждое предложение, произнесенное на лекции преподавателем, он может считать профессора никудышным ученым и лектором, но он обязан его предмет заучивать, исполнять любимые привычки – «сидеть всегда на первой лавке и записывать, или иметь испуганный или веселый вид на экзамене, или иметь одинаковые убеждения с профессором, или посещать аккуратно его вечера» [5, с. 217]. Л.Н. Толстой иронично замечает – «Счастлив тот университет, в котором на 50 профессоров есть хоть один уважаемый и любимый студентами» [5, с. 222].

В этом раскрывается принятый в университетской среде *догмат папской непогрешимости профессора*. Согласно взгляду Л.Н. Толстого для студента было бы полезнее,

если бы он прочитал ту же книжку того же самого профессора (или какую-либо другую хорошую книжку), чем слушать его на принудительной лекции, пропуск которой гарантировало студенту в обязательном порядке наказание (карцер, розги) [2, с. 113]. Для Л.Н. Толстого лекция представляет собой бессмысленный «забавный обряд», совершаемый лишь для важности, но, в случае если бы лекция принимала форму беседы, дискуссии, тогда она имела бы больше практической пользы. *Основными причинами посещения лекций* в университете являются: 1) нечего делать и еще не наскучило; 2) чтобы доставить удовольствие профессору, 3) из-за моды, когда один из ста профессоров сделался популярен и посещать его лекции сделалось умственным щегольством между студентами. В большинстве случаев лекция это пустая формальность и скучная необходимость, которая нужна только в виду экзамена.

Для него *университет* стоит изначально на ложных основаниях, поскольку «студенты обязаны были молчать, а профессора имели право говорить все, что им вздумается». Под *настоящим университетом* понимается такое собрание людей, которое объединяет единомышленников, есть некая свободная интеллектуальная среда, где люди читают, толкуют, размышляют, дискутируют между собой [4, с. 10]. Учреждать университет нужно на основании потребности народа, а не правительства и высшего общества, которые стремятся через университеты самовоспроизвестись.

Согласно взгляду Л.Н. Толстого *экзамен* не является показателем качества знаний, а служит только «поприщем для грубого произвола профессоров и для грубого обмана со стороны студентов» [5, с. 222]. В качестве примера произвола профессоров он приводит свои неудачные попытки сдать экзамены: 1) не сдал русскую историю, хотя не пропускал ни одного занятия и учился на отлично, потому, что профессор поссорился с его (Л.Н. Толстой) домашними; 2) не сдал экзамен, потому что начал готовиться к нему лишь за неделю до дня экзамена.

Для настоящего студента, самостоятельного и свободного, нужны две основные вещи, это библиотека и беседы с руководителями (а не бесполезные лекции). Для него

университеты дурны и бесполезны, потому что: 1) нужны лишь тем, кто впоследствии хотят быть литераторами или профессорами; 2) общения с профессорами нет, нет доверия и любви, а есть боязнь и недоверие; 3) нового больше найдут в книгах, чем в лекциях профессоров; 4) студенты занимаются не наукой, а подготовлением к экзаменам, обманом профессоров. Менее всего подвержены развращающему влиянию студенчества те молодые люди, которые живут в семьях. В качестве положительного примера Л.Н. Толстой приводит молодых людей из широких слоев населения, из крестьянской среды, которые готовятся для жизни, для труда – «как сын крестьянина приучается быть хозяином, сын дьячка, читая на клиросе, быть дьячком, сын киргизца-скотовода быть скотоводом» [5, с. 224]. Университет самым первым присваивает себе право воспитания, поэтому является главным воспитательным заведением. «Университет готовит не таких людей, каких нужно человечеству, а каких нужно испорченному обществу».

После окончания университета родители надеются, что их дети построят себе карьеру, будут счастливы, но сталкиваются с тем, что их дети не знают, куда преклонить голову, знания, которые они приобрели в университете, никому не нужны, никто за них ничего не дает. Парадокс заключается в том, что машинистов, плотников, каменщиков, штукатуров государство выписывает из Европы, и платят им дорого, а нашими университетски образованными молодыми людьми не только не дорожат, но и не знают куда их девать, куда трудоустроить. В России общество не умеет ценить образование, поскольку студенты занимают невысокий статус в обществе, и их могут пристроить, только на какую-либо службу. Причем пропорция людей из университета, занимающих вне службы места с хорошим вознаграждением, очень мала.

В заключении своей научно-педагогической работы Л.Н. Толстой отвечает на ту критику, которую он прочел в свой адрес в журналах «Русский вестник» и «Воспитание»: во-первых, под школой он понимает любую «сознательную деятельность образовывающегося на образовывающихся» [5, с. 228], для него школа это и публичные лекции, и чте-

ние курсов, и открытие музея, для широких слоев населения – это и выучивание грамоте от товарищей и братьев, народные детские игры, публичные зрелища, картины, книги, сказки, песни, главное – такая школа отвечает потребностям тех людей, которые хотят приобретать знания.

Во-вторых, под невмешательством школы он понимает «невмешательство в формирование верований, убеждений и характера образовывающегося» [5, с. 228], которое достигается «предоставлением образовывающемуся полной свободы воспринимать то учение, которое согласно с его требованием, которое он хочет, и воспринимать настолько, насколько ему нужно, насколько он хочет, и уклоняться от того учения, которое ему не нужно и которого он не хочет» [5, с. 228]. Л.Н. Толстой подчеркивает, что такие формы занятий не обязывают и не требуют внимания к себе под угрозой наказания, а возможно и требуют определенных жертвований. Более того, Л.Н. Толстой приводит в пример наблюдаемые в реальности ситуации, когда люди народа – согласно традиционной системе образования и воспитания – невоспитанные, являются свежее, сильнее, могучее, самостоятельнее, справедливее, человечнее и, главное – нужнее людей воспитанных, они превосходят их в силе, ловкости, уме и нравственности.

В-третьих, школа должна заниматься только передачей знаний, сведений, информации, не пытаясь переходить в нравственную область убеждений, верований и характера, и вся организация учебной деятельности в школе должна строиться лишь на знаниях учителей.

Основными принципами устройства такой школы являются:

- 1) учителями становятся всякий, кто чувствует призвание к сообщению знаний, ведут занятия только те, которые могут и хотят вести;
- 2) не преподавать те предметы, которые никому неинтересны и в целом бесполезны;
- 3) делать уроки занимательными и интересными, полезными;
- 4) воспитательный элемент науки передавать свободно, не насильственно, поскольку он лежит в любви учителя к своей науке и в любовной передаче ее, в отношении учителя

к ученику. «Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят и тебя, и науку, и ты воспитаешь их; но ежели ты сам не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлял учить, наука не произведет воспитательного влияния» [5, с. 231].

Таким образом, Л.Н. Толстой раскрывает непривычное понимание школы, она не есть

доски, лавки, кафедры, приводя в пример опыт *яснополянской школы*. Но оценивая *перспективы ее развития* в дальнейшем, он пишет, что «едва ли через сто лет отживут все готовые заведения – училища, гимназии, университеты, и вырастут свободно сложившиеся заведения, имеющие своим основанием свободу учащегося поколения» [5, с. 232].

ЛИТЕРАТУРА

1. Долганова Н.В. Идеи свободного воспитания в контексте гуманистической педагогики // Вопросы педагогики. – 2021. – № 3-2. – С. 90-93.
2. Заварзина Л.Э. Л.Н. Толстой и П.Ф. Каптерев: взгляд на свободное воспитание // Историко-педагогический журнал. – 2018. – № 4. – С. 111-117.
3. Ромаева Н.Б., Ромаев А.П. Генезис категории «воспитание» в отечественной педагогике // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2018. – № 6. – С. 112-116.
4. Смирнов И.П. Теория свободного образования и ее основоположники (от утопистов до Льва Толстого) / Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 5(142). – С. 7-16.
5. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / сост. Н.В. Вейкшан (Кудрявая). – М.: Педагогика, 1989. – 544 с.

UPBRINGING AND EDUCATION IN THE PEDAGOGICAL TEACHING OF L.N. TOLSTOY

KOPALKINA Evgeniya Gennadievna

Baikal State University

Irkutsk, Russia

ILYAKOVA Natalia Vladimirovna

Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

This article analyzes the correlation of the concepts of «education», «upbringing», «teaching», «learning» as the basic categories of pedagogy of freedom, which distinguishes L.N. Tolstoy's interpretation from the traditional understanding of theoretical teachers. The methodological foundations of humanistic pedagogy are described, the main content of which is the principles of free education, the free nature of relations between teachers and students, as well as the model of a real university as an association of like-minded people, where a free intellectual environment reigns.

Key words: education, upbringing, L.N. Tolstoy, pedagogy, learning, teaching, free development.